II-2013: - скан. д/ЭБ РНБ (ОВО)

Дефр: нет обложек в №№: 11 (1ой и посл);
12 (первой); 20 (первой);
22 (первой); 23 (первой);
28 (первой); 29/30 (последней)
№ 31/32 (первой).

Журнал Вершины

Литературно-художественный

Рис. художн. Н. Бродскаго.

Гос. Публичная Б-ка в Ленинграде

1914 г. №1 2 декабря

СОДЕРЖАНІЕ.

«Къ Вамъ» . . . . . Владимиръ Гординъ.

Червленый щитъ . . . . . Алексѣй Ремизовъ

Три стихотворенія . . . . . Александръ Блокъ.

«Василь Василичъ» . . . . . Л. Добронравовъ.

*** Стихотвореніе . . . . . Анна Ахматова.

Чудесное явленіе . . . . . Рюрикъ Ивневъ.

Съ войны . . . . . В. К.

Кто правъ? . . . . . Исидоръ Гуревичъ.

Уланы и гуси . . . . . Онисимъ Іерянскій.

Собака . . . . . Д. Мусинъ.

Журналъ
Вершины
Литературно-художественный

№ 1 1914 г 2 декабря

«Курдъ». Собств. журн. «Вершины».

Гос. Публичная Б-ка в Ленинграде

КЪ ВАМЪ.

Мое маленькое, ничтожное я преклоняется передъ тобою, человѣкъ.

Жалостью поглощено существо мое.

Душа затоплена жалостью—захлебнулась.

Я, маленькій, ничтожный и одинокій, лежу во прахѣ предъ вами, люди, умирающіе тамъ и здѣсь, тамъ и здѣсь.—Вы молча безъ мольбы, безъ стона и крика умираете.—Я вижу васъ—запрокинутыя головы, распростертыя руки, зіяющія, темныя раны.

Застывшіе фарфоровые полуоткрытые глаза.

Вы умираете молча.—Такъ нужно.—Такъ Господь хочетъ.

Я робко подхожу къ вамъ, люди, становлюсь на колѣни, молю васъ, люди,—не оттолкните меня одинокаго.—Вы такіе суровые—всѣ, перешедшіе черезъ долину страха, разрушенія, черезъ лунную пустыню.

Дайте поцѣловать мнѣ вашу пыльную обувь, вашу почернѣвшую одежду, руки, окрашенныя своей кровью.

Дайте прикоснуться къ щекамъ исхудавшимъ, исчерченнымъ всѣми знаками страданія.—Снимите съ себя желѣзный крестъ свой, дайте мнѣ его.

Я вашъ,—я тотъ самый, потонувшій въ великомъ морѣ вашемъ, скорбящій за васъ, съ вами вмѣстѣ лежащій во прахѣ.

Ничтожный, маленькій и одинокій я

Владимиръ Гординъ.

ЧЕРВЛЕНЫЙ ЩИТЪ.

Пѣснь Игореви, Лѣтопись наша—како избра Богъ русскую землю и грады почаша бывати, письма оттуда, съ полей страдныхъ, да деревенскія съ земли, да мои думы о землѣ родимой всегда и неразлучны.

О, русская земле! уже за шеломянемъ еси.

— Егоръ прислалъ письмо, что былъ это въ бою и находится живъ. Все были бои, а одинъ бой былъ очень силенъ. «Не знаю,—пишетъ,—какъ живъ остался!» Только пишетъ, сильный холодъ тамъ, да дожди.

Ярославнинъ гласъ слышитъ...

Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ... Не въ Путивлѣ, за Волгой у Медвѣдицы на крути плачетъ Маша:

— Я теперь съ горя поднялась бы вверхъ, да у меня крыльевъ нѣту! Я бы пала на низъ, да у меня норъ нѣтъ!

О, русская земле!

Я вѣрю. Я слышу, необъятная—кондовая Русь и Русь казацкая—вся земля, съ Волги, съ Волохова, съ Дону, съ Днѣпра и съ великихъ вольныхъ сибирскихъ рѣкъ и съ печальной сестры своей Вислы, осѣненная святою Русью, подымаетъ за едину душу червленый щитъ.

Звенитъ слава, трубы трубятъ.

Алексѣй Ремизовъ.

Освященіе новаго лазарета группы служащихъ въ главномъ адмиралтействѣ.

Присутствуютъ: Супруга Тов. Морского Министра А. А. Бубнова, главный морской санитарный инспекторъ Зуевъ, ген.-л Сергѣевъ, Ген.-м. Жданко, докторъ К. Н. Зиновьевъ, протоіерей Ставровскій и др.

ТРИ СТИХОТВОРЕНІЯ.

Петербургскія сумерки снѣжныя.
Взглядъ на улицѣ, розы въ дому...
Мысли, точно у дѣвушки нѣжныя,
А о чемъ,—и сама не пойму.

Все гляжусь въ мое зеркало сонное.
(Онъ, должно-быть, глядится въ окно...)
Вонъ лицо мое—злое... влюбленное!
Ахъ, какъ мнѣ надоѣло оно!

Запѣванія низкаго голоса,
Снѣжно-бѣлыя руки мои,
Мои тонкіе рыжіе волосы,—
Какъ давно они стали ничьи!

Мужъ ушелъ. Свѣтъ такой безобразный...
Все-же—кровь розовѣетъ... на свѣтъ...
Посмотрю-ка, онъ тамъ или нѣтъ?..
Такъ и есть... ахъ, какой неотвязный!

* * *

Та жизнь прошла,
И сердце спитъ,
Утомлено.

И ночь опять пришла,
Безстрашной—глядитъ
Въ мое окно.

И выпалъ снѣгъ,
И не прогнать
Мнѣ зимнихъ чаръ.

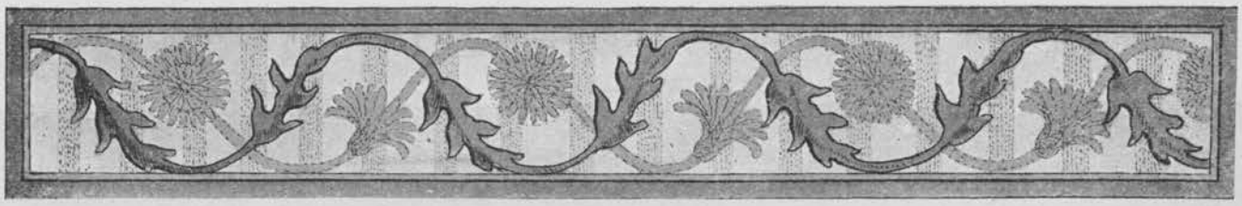
И не вернуть тѣхъ нѣгъ,
И странно вспоминать,
Что былъ пожаръ.

* * *

Была ты всѣхъ ярче, вѣрнѣй и прелестнѣй,
Не кляни же меня, не кляни!
Мой поѣздъ летитъ, какъ цыганская пѣсня,
Какъ тѣ невозвратные дни...

Что было любимо,—все мимо, мимо,
Впереди—неизвѣстность пути.
Благословенно, неизгладимо,
Невозвратимо... прости!

Александръ Блокъ.



„Василь Василичъ“.

— Я, сами знаете, суфлеръ, и главное мое дѣло— въ будкѣ сидѣть да въ клавиръ носомъ торкать, чтобъ кто-нибудь не пропустилъ своего вступленія да не ахнулъ въ чужой тактъ. Бывало! И не такое еще... Шутъ съ нимъ! Фамилія моя—Дубчакъ. Всѣ знаютъ. Можно даже сказать—всякая опера хоть сейчасъ ангажементъ—суфлеръ я очень хорошій, старый, опытный, всѣ клавиры—насквозь, а въ «Іолантѣ» показать каждому вступленіе въ септетѣ—на всю Россію я одинъ! Только я не очень объ себѣ хвастаюсь, а такъ, къ слову пришлось. Служу я вотъ ужъ сколько сезоновъ здѣсь; обжился, всѣ меня знаютъ, уважаютъ, хоть и малая сошка, одно слово— суфлеръ! Молодые развѣ, бываетъ, задираютъ, да молодые—сами знаете—въ ноздрѣ не просохло. Что съ нихъ возьмешь! Самое главное—генералъ нашъ оперный, Разновскій, Василь Василичъ—безъ меня и пѣть не станетъ. Привыкъ, такъ привыкъ, что просто—зарѣзъ! Я хорошо понимаю, кто такой Василь Василичъ, а кто я; онъ, можно сказать, въ Харьковѣ университетъ кончилъ, въ Москвѣ Филармонію, на всю Россію имя, полторы тысячи въ мѣсяцъ, бенефисъ; въ императорскіе театры звали—не пошелъ, не захотѣлъ. Одни говорили, мало давали, другіе — женѣ нельзя жить въ холодномъ климатѣ. Не мое дѣло, не меня звали. А я, хотя и суфлеръ, но себѣ цѣну понимаю. Съ Василь Василичемъ всегда по хорошему, разговоры про то, про се, чай у него пивалъ и съ женой познакомился. Варвара Сергѣвна. Красивая—очень даже! Прямо фигурально красивая. Глазищи—не глазищи, а пятаки. Здоровущіе! Комплекція—прямо таки шибающая. Не фигура, а бюстъ! Одно слово! Но злющая, такая злющая—не доведи Господи! Губы—ровно пьявки, такъ и шевелятся, вотъ, думаешь, сейчасъ начнутъ кровь пить. Голосъ сладкій, но съ шипомъ. Будто змѣйка у нея въ горлѣ сидитъ и пошипываетъ. Какъ я первый разъ къ нимъ пришелъ, не самъ, извольте видѣть, пришелъ, а Василь Василичъ безпрекословно затащилъ, такъ она глянула на меня, губы скривила и руку мнѣ суетъ, какъ китайская королева. Поцѣловалъ. Плюнуть хотѣлось, но поцѣловалъ. И пошла она сразу на Василь Василича шипѣть: зачѣмъ банановъ не принесъ, зачѣмъ кренделей не купилъ, зачѣмъ опоздалъ, зачѣмъ се, затѣмъ то! Стерва, однимъ словомъ! Василь Василичъ сначала шуточками съ ней, а потомъ пріунылъ и больше pianissimo. Варечка, Варюша, котикъ, мотикъ—тьфу! Противно слушать! Сами знаете, мужчина въ сажень ростомъ, дылда, позвольте вамъ имѣть въ виду, а балаболитъ такъ, что слушать тошно и этакимъ козликомъ. Потомъ меня удостоила разговоромъ. Я поддержалъ фасонъ и не очень чтобы такъ, а сколько нужно, для реноме. Престижъ никогда не уроню. За это самое меня теноръ Юрловъ даже прести-жи-дитаторомъ прозвалъ. Ладно! Съ той поры какъ-то такое сталъ когда и когда захаживать къ Василь Василичу, на одной лѣстницѣ живемъ—онъ въ первомъ этажѣ, а я въ четвертомъ, изъ театра идешь вмѣстѣ, ну, и завернешь, а потомъ, однажды и Василь Василичъ со своимъ котикъ-мотикомъ ко мнѣ поднялся и чай пилъ. Такъ и пошло наше знакомство.

* * *

Сталъ я примѣчать—печальный заходилъ Василь Василичъ. Прежде и пошутитъ, и на репетиціи повеселитъ и такое отмочитъ—за животъ хватайся! А какъ весна пришла—заскучалъ. Новаго баритона взяли въ труппу, Пряженцова. Паршивенькій такой голосишко, пукалка, а не баритонъ, а красивый мужчина. Всѣ наши, да что наши! Изъ публики дамы сбѣсились. Какъ поетъ Пряженцовъ—въ антрактахъ у рампы—ни дать, ни взять—кошачій концертъ! Ти-ти-ти-ти! И цвѣты, и букеты, и записочки. Одна шляпу шваркнула, да не долетѣла—въ оркестръ свалилась.

Гляжу я разъ—глазамъ не вѣрю! Котикъ-мотикъ, Варвара-то Сергѣвна сидитъ съ Пряженцовымъ на репетиціи въ партерѣ и шу-шу, и шу-шу. Василь Василичъ поетъ и все глазомъ въ партеръ, все въ партеръ, а лицомъ вида не подаетъ. Я-то чувствую, ревнючій, а другимъ—непримѣтно. Начали сцену на берегу Нила репетировать, «Аиду» готовили. Запѣлъ Василь Василичъ, а котикъ-мотикъ пересмѣивается съ Пряженцовымъ. Ахъ ты, думаю, шутъ тебя дери! Достаточно даже громко разговариваютъ и больше— смѣшкомъ. Вдругъ Василь Василичъ оборвалъ, помните, можетъ, у Амонасро красивое такое мѣсто: «Ужъ братья наши взялись за оружье», оборвалъ да какъ цыкнетъ:

— Попрошу въ залѣ громко не разговаривать. Это мнѣ мѣшаетъ!

Въ первый разъ такое услыхалъ я отъ Василь Василича. А та холера, думаете, замолчала? Какже, будьте благонадежны! И ухомъ не повела. Будто не про нее даже цыкнуто было. А Василь Василичъ, красный, какъ свекла, поетъ и вретъ, голубчикъ, какъ лошадь. Ну, думаю, что-нибудь изъ этого да выйдетъ.

Вечеромъ сижу я въ будкѣ: «Демонъ» — и Василь Василичъ поетъ. Стоитъ на скалѣ и голосъ дрожитъ, непримѣтно дрожитъ, публика, можетъ, не замѣтитъ, да у меня ухо вострѣе собачьяго: много я переслушалъ за двадцать семь лѣтъ, въ будкѣ схоронившись.

Меня не проведешь. И не только что дрожитъ голосъ, а треснувши будто. Выпилъ, что ли?

Въ антрактѣ остановилъ меня.

— Скажите по совѣсти, плохо сегодня пою?

— Что вы, Василь Василичъ! Развѣ вы можете плохо пѣть? Не плохо, а не такъ, какъ раньше.

Тутъ онъ посмотрѣлъ на меня, такъ посмотрѣлъ, не то жалостно, не то пронзительно—не разобралъ я тогда. Стоитъ, молчитъ. И я молчу. Потомъ въ сторону глянулъ да тихо-тихо вымолвилъ:

— Сегодня ровно пятнадцать лѣтъ, какъ въ оперѣ пою. Пора и честь знать!

— Что вы!—Только и могъ сказать.

— Чувствуете, голосъ у меня треснулъ? Замѣтили?

— Замѣтилъ, а какъ скажешь? Хуже смерти это для пѣвца. Молчу.

Василь Василичъ постоялъ, вздохнулъ.

— Да, пора и честь знать. И впереди—ничего.

Вдругъ откуда ни возьмись — котикъ-мотикъ. Расфуфырилась, духами за версту, а позади Пряженцовъ, съ цвѣточкомъ въ петличкѣ. Не то на Онѣгина похожъ, не то на кассира изъ ломбарда. Котикъ-мотикъ сразу мужу и преподнесла:

— А ты сегодня отвратительно поешь. Голосъ звучитъ не свѣжо, верховъ не доносишь.

А тотъ, ломбардистъ, урчитъ брюхомъ:

— Нѣтъ, ничего, вполнѣ удовлетворительно.

Каково Василь Василичу было слушать? Но крѣпкій, дубъ, одно слово. Отвернулся и пошелъ. Ровно пошелъ, только лѣвымъ плечомъ крыло потягивалъ въ сторону, будто тяжело было тюлевое крыло. Да, голубчикъ, ровно пошелъ, въ струнку!

* * *

Выхожу я изъ театра послѣ оперы—смотрю, котикъ-мотикъ съ Пряженцовымъ на одномъ извозчикѣ куда-то фукнули. Эхъ, не ладно, думаю, узнаетъ если Василь Василичъ. Только это самое подумалъ—сзади меня окликаютъ.

— Осипъ Лаврентьичъ!

Оглядываюсь—Василь Василичъ. Лицо, какъ мѣлъ, глаза—страшно глядѣть. Огни! Губы такъ и сводитъ! Кусаетъ.

— Что—говорю—Василь Василичъ?

Онъ молчитъ, думаетъ что-то, неспокойно думаетъ. Смотрю—вздрогнулъ даже; мысль какая пронзила.

— Вы домой?—спрашиваетъ—Пойдемъ вмѣстѣ!

Пошли. Духотища такая, будто въ банѣ на полкѣ; не продохнуть. Жаркій былъ іюль. Темно. Лица Василь Василича не вижу, да и приглядѣться страшно. Идемъ, молчимъ. Чую, запримѣтилъ онъ, какъ котикъ-мотикъ его на извозчика влѣзала. Проходимъ мимо трактира. Дрянненькій трактиришко, извозчицкій. Василь Василичъ остановился.

— Зайдемъ—говоритъ.

Зашли. И сивухой, и пивомъ, и щами и чортъ не знаетъ чѣмъ такъ въ носъ и шибануло. Народу пьяненькаго—пропасть! И галдежъ и кель выражаны, и всякое такое трактярное. Сѣли мы у крайняго сто-

Рукопашная схватка.

ПОДВИГЪ ТРЕХЪ.

Случай выдающейся стойкости одной англійской батареи противъ превосходившаго численностью врага, и спасенія орудія въ пылу жаркаго боя, несомнѣнно будетъ запечатлѣнъ въ исторіи міровой войны. Три артиллериста—сержантъ Дорелль (верхній портретъ) и канониры Дербиширъ и Осборнъ обслуживали послѣднее орудіе батареи до тѣхъ поръ, пока не заставили замолчать 12 орудій противника.—«Батарея получила приказъ быть готовой къ выступленію къ 4 часамъ утра. Тщетно ожидали всѣ приказа двинуться въ путь до 5 часовъ, какъ вдругъ, совершенно неожиданно, со стороны недалекаго холма, еще наканунѣ бывшаго въ рукахъ французовъ, посыпались снаряды. Такъ какъ англичане приготовились къ выступленію, орудія находились на передкахъ, то, несмотря на молніеносную быстроту построенія въ боевой порядокъ, только три орудія могли направить свои жерла на нѣмцевъ, остальныя были подбиты. Одинъ за другимъ падали люди и черезъ короткій промежутокъ времени нѣмецкіе снаряды, подбивъ еще два орудія, стали со страшной силой обрушиваться на оставшееся единственное орудіе, которое обслуживалось тремя храбрецами. Всѣ офицеры и солдаты лежали кругомъ убитые и раненые. Только трое, истекая кровью, безостановочно поддерживали сильный и на рѣдкость мѣткій огонь, заставивъ, мало-по-малу, умолкнуть 12 нѣмецкихъ орудій, послѣ чего, изнемогая отъ усталости, подъ огнемъ врага, повернувъ орудіе, отвезли его къ своимъ».

лика. Василь Василичъ водки заказалъ, самый большой графинъ. Мутитъ у него на душѣ, мутитъ; по лицу видать, а молчитъ. Налилъ себѣ стаканъ винный, самъ такой стаканъ спросилъ, а мнѣ—въ рюмку. Выпили. Хочетъ онъ мнѣ что-то сказать, да не говорится. Поворошилъ волосы, похмурился и такъ стономъ выронилъ:

— Скверно мнѣ, Осипъ Лаврентьичъ! На душѣ погано!

Я говорю—«Со всякимъ бываетъ», а онъ будто и не слыхалъ моихъ словъ. Поглядѣлъ по сторонамъ—глаза красные стали и говоритъ:

— Будто нарывъ въ душѣ созрѣвалъ все время, а теперь созрѣлъ и лопнулъ. И такая гадость потекла, что дрожь пробираетъ. Все у меня кончено.

— Что—спрашиваю—все?

— Все! Жизнь моя кончена, вотъ что! Сегодня почувствовалъ. Голосъ треснулъ на вѣки вѣчные. Теперь пора паузу-фермато держать.

Я хотѣлъ напротивъ сказать, а онъ рукой останавливаетъ:

— Не надо. Самъ знаю. Не маленькій... Вся жизнь—для голоса, ради голоса, вся жизнь—для театра, а какъ голосъ сдалъ, что такое жизнь? По новому жить? Для чего? И какая новая жизнь? Какая для меня можетъ быть другая жизнь?

Дождаться, когда шикать станутъ? Благодарю покорно!

Опять выпилъ.

— Я когда въ университетѣ учился, много могъ всякихъ словъ сказать о жизни, объ искусствѣ, о всякомъ такомъ. А какъ жизнь эту самую въ лицо увидѣлъ—языкъ нѣмой сталъ. Слушайте, Осипъ Лаврентьичъ, скажите вы мнѣ, для чего я жилъ эти пятнадцать лѣтъ? Какъ вы думаете?

— Въ театрѣ пѣли—отвѣчаю—большимъ артистомъ сдѣлались.

Ожилъ Василь Василичъ, даже покраснѣлъ.

— Большимъ артистомъ? А что мнѣ изъ этого, когда на душѣ пусто, такъ пусто, какъ въ полѣ. Ничего нѣтъ. Труха какая-то, гниль. Хочешь хоть какой-нибудь итогъ подвести—и нечему. Гладко! Ничего позади, ничего впереди. Усталъ я, а отъ чего усталъ—не знаю. Какъ-то и жизни у меня не было. Сегодня поешь, завтра поешь, репетиціи, новыя партіи, ни угла, ни дома своего, какъ бродяга. И разсказать объ этомъ некому, пожаловаться—да нашему брату нельзя жаловаться—смѣшно. Всегда орломъ надо держаться. Такъ-то, Осипъ Лаврентьичъ! Пусто! Хоть шаромъ покати.

Замолчалъ. Еще выпилъ. Тутъ трактиръ закрывать пора пришла—насъ попросили.

Дошли до дома. Довелъ я Василя Василича до его дверей, хочу къ себѣ на верхотуръ подниматься, а онъ проситъ—«подождите». Позвонилъ. Долго не открывали. Спрашиваетъ горничную:—Дома барыня?—А та: «Нѣтъ, не приходили еще.» Смотритъ онъ на меня вдругъ этакъ просительно:

— Осипъ Лаврентьичъ,—позвольте мнѣ у васъ переночевать!

— Ахъ ты, сдѣлай одолженье! Я радъ, да мебели у меня подходящей нѣтъ. Не кровать, а колесница. Ляжешь,—такъ она и ѣдетъ. «Ничего, говоритъ, пустяки.» Пришли ко мнѣ и сразу залегли.

— Что вы, Василь Василичъ, задумали у меня спать, а не дома—спрашиваю.

— Не могу я сейчасъ дома, Осипъ Лаврентьичъ. Страшно мнѣ дома!

Сталъ я засыпать, слышу, хоркаетъ кто-то. Что за оказія! Плачетъ. Василь Василичъ плачетъ. Я къ нему такъ и этакъ—плачетъ.

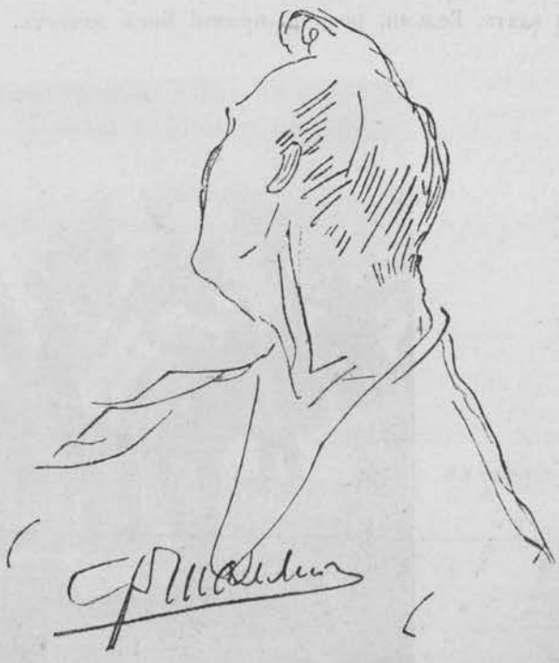
— Погибла жизнь, Осипъ Лаврентьичъ, пропала жизнь!

* * *

Съ той ночи не видѣлъ я Василя Василича. Разъ въ театрѣ мимо прошелъ, туча тучей, я его и не окликалъ. Цѣлую недѣлю въ репертуарѣ его не было. А слухи всякіе пошли. Сами знаете, сцена. И чего нѣтъ—выдумаютъ, а что было такъ разукрасятъ—держись за землю, упадешь. Говорили, будто Василь Василичъ запилъ горькую, скандалитъ, будто въ участкѣ ночевку имѣлъ. Три раза заходилъ къ нему провѣдать, да всѣ три раза и поцѣловалъ пробой—дома не было. А котикъ-мотикъ совсѣмъ снюхалась съ Пряженцовымъ, такъ вотъ съ нимъ и форскаетъ!

Стали у насъ о войнѣ поговаривать, думали, гадали, а тутъ вдругъ мобилизацію объявили. Думаю, ну теперь, можетъ Василь Василича повидаю. Куда! Носу не кажетъ. Прислалъ письмо—боленъ, а дома нѣтъ. А вмѣсто него Пряженцовъ поетъ и Онѣгина, и Томскаго, и Валентина и самъ себя, паршивецъ, нахваливаетъ: не хуже Василь Василича. Молодой, одно слово! Мозгомъ мало мерекаетъ.

Прихожу я черезъ три дня послѣ мобилизаціи въ театръ. Смотрю—на сценѣ какой-то офицеръ съ на-



Автопортретъ Ф. И. Шаляпина для журн. «Вершины».

шимъ дирижеромъ разговариваетъ. Обернулся офицеръ—нашъ Василь Василичъ. Помолодѣлъ будто, лицомъ посвѣтлѣлъ. Бравый такой, ну вотъ прямо статуя командора изъ «Донъ-Жуана» Моцарта.

— Что, Осипъ Лаврентьичъ, не узнаете?

— Узнать то узналъ, да какъ же вы...

— По мобилизаціи призванъ. Ѣду на войну.

Я такъ и ахнулъ. Только ахай не ахай, а ѣдетъ съ врагомъ воевать. Въ добрый часъ! Какъ же мы безъ васъ будемъ? Смѣется: «Обойдетесь. Тамъ музыка почище вашей. Все три forte!»

Пришелъ на репетицію Пряженцовъ. Ну, думаю, какъ встрѣтятся? Ничего встрѣтились. Василь Василичъ прямо такъ, ясно въ глаза ему смотритъ, совѣтуетъ чего-то и все по хорошему. И котикъ-мотикъ тутъ въ здоровенной шляпищѣ, этакой сѣченой кошкой виляетъ.

* * *

Провожали мы Василь Василича на вокзалъ скопомъ, всѣ. Пока поѣзда ждали, пока что—отвелъ меня въ сторону.

— Вотъ что, Осипъ Лаврентьичъ — говоритъ — вернусь я или не вернусь—одному Богу извѣстно. Если убьютъ—возьмите у меня свертокъ въ кабинетѣ на память. Я въ духовномъ завѣщаніи упомянулъ про него. Всякія тамъ штуки, отъ молодости моей, со временъ юности. Самое дорогое, что есть у меня. Возьмите!

Пожалъ руку. Мнѣ плакать хочется, смотрю—и у него глаза съ блескомъ. Помолчалъ и тихо, отъ души сказалъ:

— Жизнь не удалась—отдадимъ за другихъ. Очищеніе мнѣ нужно, омыть свою жизнь, кровью омыть!

Хотѣлъ онъ еще чего-то сказать, да котикъ-мотикъ подвернулась. Поглядѣлъ я на него и безъ словъ понялъ: пострадать хочетъ человѣкъ, муку хочетъ на себя взять. Возьми, родной, прими! Богъ зачтетъ.

Какъ стали садиться—поцѣловалъ всѣхъ и котикъ-мотика поцѣловалъ и безо всякой сухости или съ притворствомъ. Боже сохрани! Съ любовью поцѣловалъ и по лицу видать было,—все простилъ человѣкъ. Да и какъ со злобой пойдешь на такое дѣло? Богъ не приметъ.

Стоитъ Василь Василичъ на площадкѣ вагона и на насъ смотритъ, каждаго оглядываетъ такъ, будто навѣки запомнить хочетъ или въ душѣ тамъ у себя фотографію снимаетъ. А лицо у него такое... Эхъ! Видно, много сказать хочетъ, да не можетъ, иль не хочетъ: гордый онъ. И въ такую, можно сказать, минуту въ себѣ все схоронилъ.

Тронула машина. Тутъ — кто платками, кто шляпами—машутъ, кто ручкой дѣлаетъ на прощанье. Котикъ-мотикъ слезами исходитъ. Да и у меня глаза... не того... На какое дѣло идетъ человѣкъ! И за кого? За насъ идетъ. Ахнули ура, а поѣздъ все дальше и дальше. Маленькій сталъ совсѣмъ, ровно червячокъ такой шустренькій.

Такъ и уѣхалъ Василь Василичъ. И понимаю — хорошо для него это. Судите сами—какая ему была бы здѣсь жизнь, ежели видитъ, что пропала она. Тяжело!

И съ той поры ничего не знаемъ про него, какъ, гдѣ и что? Такъ вотъ, сидишь въ своей будкѣ, носомъ въ клавиръ торкаешь, а въ головѣ этакое творится—словами не разскажешь. И будь голосъ на весь міръ—такъ бы и ахнулъ: «Василь Василичъ! Отзовись!»

А какъ болѣзни одолѣютъ — много у меня всякихъ—начнешь думать и думаешь, думаешь... Тамъ бы помереть! Эхъ, старость мѣшаетъ, да слабость!

Простите, господинъ, за разговоръ. Надо кому-нибудь про Василь Василича разсказать. Воюетъ, сердечный! Да, кому на войнѣ помереть, кому—въ будкѣ. У всякаго, какъ говорится, свой фатализмъ.

Леонидъ Добронравовъ.

Австрійскій штабъ на полѣ сраженія.

Ген. отъ Кавалеріи Н. фонъ Крузенштернъ, Высочайше пожалованный орденомъ Вел. Князя Александра-Невскаго съ мечами.

Ген-лейт. Ханъ-Гуссейнъ-Нахичеванскій нагр. орденомъ св. Владимира 2-ой ст. съ мечами.

Свиты Его Величества ген.-м. П. Т. Николаевъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4-ой степени.

Ген.-лейт. Авг.-Карлъ-Михаилъ Адариди удост. ордена св. Анны 1-ой ст. съ мечами.

Ген.-маіоръ В. И. Жуковскій награжденъ орденомъ св. Георгія 4-ой степени.

Полковникъ А. П. Богаевскій удост. золотого Георг. оружія.

Подпор. С. А. Мацалевъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4-ой степени.

* * *

Вижу тонкій лунный лукъ
Сквозь листву густыхъ ракитъ.
Слышу, слышу ровный стукъ
Неподкованныхъ копытъ.

Что?—и ты не хочешь спать?
Въ годъ не смогъ меня забыть!
Не привыкъ свою кровать
Ты пустою находить?

Не съ тобой ли говорю
Въ остромъ крикѣ хищныхъ птицъ!
Не въ твои-ль глаза смотрю
Съ бѣлыхъ матовыхъ страницъ?

Что же кружишь, словно воръ,
У затихшаго жилья;
Или помнишь уговоръ
И живую ждешь меня?

Засыпаю. Въ душный мракъ
Мѣсяцъ бросилъ лезвіе.
Снова стукъ! То бьется такъ
Сердце теплое мое.

Анна Ахматова.

ЧУДЕСНОЕ ЯВЛЕНІЕ.

Все было необычайно въ этотъ, пахнущій мокрыми листьями, сыростью и густымъ туманомъ, день. Изъ тумана такъ странно выплывали фигуры солдатъ, такъ странно исчезали. Будто все это происходило не на берегу широкой рѣки, не въ дѣйствительности, а на тускломъ экранѣ. Было очень тревожно. Тревога была не внѣшняя (сраженія еще не было), но та внутренняя, которая важнѣе и мучительнѣе всѣхъ внѣшнихъ. Полковникъ Тулинъ зналъ хорошо, что завтра будетъ рѣшительный день, что завтра, быть можетъ, самый важный изъ всѣхъ до сихъ поръ бывшихъ дней. Въ этотъ необычайный день Петръ Алексѣевичъ Тулинъ былъ особеннымъ, задумчивымъ, ожидающимъ какихъ-то извѣстій. Изъ его окна въ обыкновенные дни былъ виденъ весь городъ съ зеленѣющими садами, съ куполами церквей. Сегодня все было окутано туманомъ. Петръ Алексѣевичъ, стоя у широкаго открытаго окна и дыша сырымъ, прохладнымъ воздухомъ, думалъ о самыхъ постороннихъ вещахъ: о краскѣ голубоватой на подоконникѣ, о покрытомъ пылью стеклѣ, объ узорной скатерти, которая лежала на кругломъ хромающемъ столикѣ.

— Петръ Алексѣевичъ, о чемъ вы думаете?

Тулинъ оглянулся. Передъ нимъ стоялъ юноша только что выпущенный въ офицеры, Алеша Урдинъ, племянникъ его жены.

— Я думаю о завтрашнемъ днѣ — спокойно и просто сказалъ Тулинъ.

— Какъ, вы тоже?

— Мнѣ не грустно, но вѣдь можетъ случиться все. Ихъ—больше.

Алеша грустно улыбнулся.

— Петръ Алексѣевичъ, вы не смѣйтесь надо мной, но мнѣ кажется, что сегодня все другое. Вы понимаете меня? Все другое. И потомъ мнѣ кажется еще, что все будетъ очень хорошо. Я сейчасъ почему-то вспомнилъ нашу деревню, когда я гостилъ у васъ. Помните, разъ мы сидѣли за чаемъ, когда въ усадьбу пришли странники. Одинъ изъ нихъ сказалъ мнѣ, смотря на меня будто невидящими глазами: «Помни туманные дни.» Вотъ я не знаю, почему все это я вспомнилъ, но мнѣ такъ хорошо. Мнѣ кажется еще, что смерть не такая, какъ мы думаемъ о ней.

Петръ Алексѣевичъ, улыбаясь, спросилъ:

— Ты думаешь о смерти?

Въ эту минуту распахнулась дверь, и въ комнату вбѣжалъ поблѣднѣвшій Филиппъ, деньщикъ Тулина. Онъ какими-то странными глазами смотрѣлъ на Петра Алексѣевича, на Алешу Урдина и стоялъ, точно завороженный, не въ силахъ сдвинуться съ мѣста и ничего не говоря.

Петръ Алексѣевичъ, томимый какимъ-то неяснымъ предчувствіемъ, вздрогнулъ, но не рѣшился спросить, въ чемъ дѣло. Алеша, будто понимая что-то непонятное, тихо про себя шепталъ. Вдругъ его взглядъ упалъ на раскрытое окно, на синеватое въ одномъ мѣстѣ небо, и онъ опустился на колѣни, закрывъ глаза будто отъ яркаго свѣта, и перекрестился. Филиппъ опустился рядомъ и, крестясь широкой шершавой рукой, повторялъ безсвязно:

— Ваше благородіе, значитъ и вы... и я... это не только намъ показалось.

Петръ Алексѣевичъ, щуря близорукіе глаза, всматривался въ то мѣсто, гдѣ прежде сѣрое, а теперь голубое сіяло небо и гдѣ крестъ золотой, какъ солнце яркій, блестѣлъ на синей воздушной эмали. Была странная тишина и казалось, что все это происходитъ не въ жизни, а на зыбкомъ и туманномъ экранѣ.

— Симъ побѣдиши—громко и торжественно сказалъ Петръ Алексѣевичъ, смотря въ раскрытое окно, изъ котораго доносился запахъ свѣжихъ, будто отъ только что прошедшаго дождя пахнущихъ листьевъ.

— Вы это прочли? Да?—взволнованно спросилъ Алеша.

— Теперь я знаю, что мы побѣдимъ—прошепталъ Петръ Алексѣевичъ и быстрыми шагами вышелъ въ другую комнату.

Алеша посмотрѣлъ на небо, снова ставшее туманнымъ, на городъ, который казался погруженнымъ въ сонъ, и подумалъ:

«Бываютъ минуты, когда границы между жизнью и смертью совершенно стушевываются...»

И это можетъ быть только здѣсь.

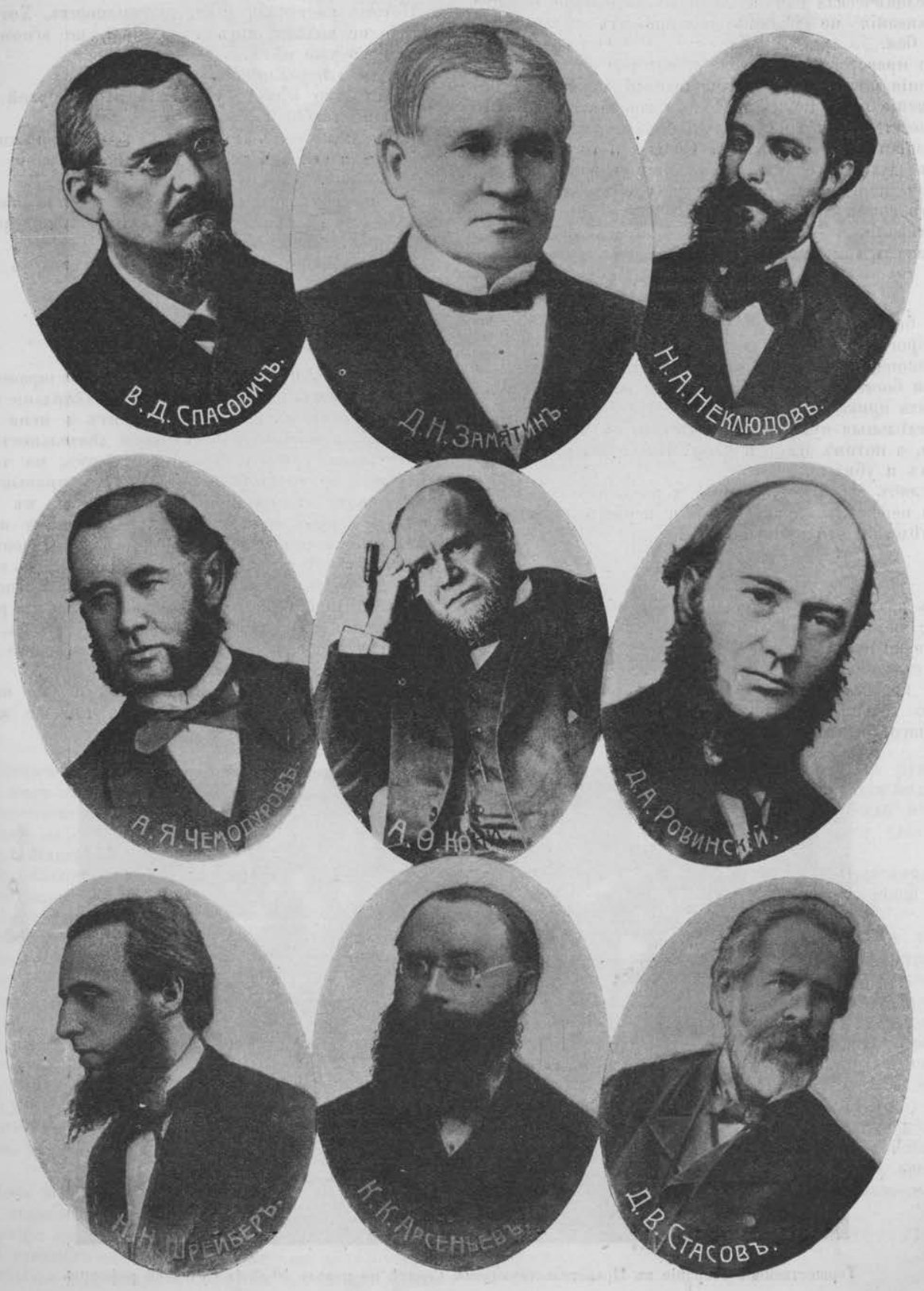
Оставшіеся этого не поймутъ.

Рюрикъ Ивневъ.

Канадскія войска въ Лондонѣ.

А. Эйсснеръ. Собств. журн. «Вершины».

КЪ 50-ти—ЛѢТНЮ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ.



СЪ ВОЙНЫ.

Я раненъ...

Моя рана принадлежитъ къ числу тяжелыхъ, но не опасныхъ для жизни, какъ говорятъ доктора. И я самъ чую, что выживу. Но иногда моментами я перестаю чувствовать цѣнность жизни.

На войнѣ я пережилъ большую любовь, не похожую на ту, какой любятъ мать, отца, любимую женщину, нѣтъ, это совсѣмъ другая. Но объ этомъ послѣ. Теперь я хочу разсказать вамъ про два дня боя.

Человѣческая память даже во мгновеніе остраго переживанія не можетъ возстановить всѣхъ картинъ боя.

То нравственное состояніе, которое создаетъ поле сраженія носитъ совершенно особый характеръ. Воображеніе наше не въ состояніи запечатлѣть въ себѣ или возстановить то, что глаза, полные ужаса, видятъ.

Извѣстная подготовка настроенія и то, что называютъ духомъ войны, постепенно назрѣваютъ въ періодъ передвиженія до вступленія въ линію боя. Въ это время живешь двойной жизнью: физическими переживаніями пути и томительнымъ ожиданіемъ страшнаго момента...

* * *

Я былъ раненъ подъ С...

Дорога была тяжелая.

Наконецъ стало чувствоваться, что мы находимся вблизи боевой позиціи. Съ минуты на минуту стали ожидать приказанія наступать.

Отдѣльныя пули начали залетать къ намъ сперва рѣдко, а потомъ чаще и чаще. Появились раненые, а потомъ и убитые.

Еслибъ вы знали... еслибъ я могъ передать вамъ, что я пережилъ, когда увидѣлъ перваго раненаго... Впослѣдствіи это притупилось...

* * *

Въ воздухѣ уже слышались тѣ особые звуки, которые раздаются при полетахъ пуль и снарядовъ. Эти звуки несравнимы. Они слышались отовсюду, принося съ собой смерть и пораненіе.

Я пересталъ какъ-то замѣчать окружающее. Я помню только, ясно помню лицо одного солдатика, упавшаго рядомъ со мной. Падая онъ какъ-то по-дѣтски протянулъ впередъ руки. Потомъ я замѣтилъ лужу крови...

Съ этого момента въ моей памяти все становится сумбурнымъ и неяснымъ.

Во мнѣ начинаетъ расти какая-то непонятная злоба и желаніе отомстить... Что-то звѣриное, не человѣческое проснулось во мнѣ.

Я ждалъ, томился и не понималъ, отчего мы не идемъ на штыки.

Помню, это была моя послѣдняя сознательная мысль.

Потомъ наступила какая-то сонливость. Хотѣлось спать и не видѣть лицъ товарищей, не вспоминать тѣхъ, кого уже нѣтъ.

Обѣдъ и перекличка...

О, сколько нѣмого ужаса въ этой первой перекличкѣ послѣ боя...

Вотъ называютъ имя того, кто вчера жилъ и отвѣчалъ, а сейчасъ тяжелое глухое молчаніе говоритъ: убитъ...

И впервые закрадывается новое чувство какой-то неловкости за то, что ты здѣсь, когда того, другого уже нѣтъ...

И снова хочется уйти и ничего не видѣть и не слышать...

Первый день прошелъ. Насталъ второй...

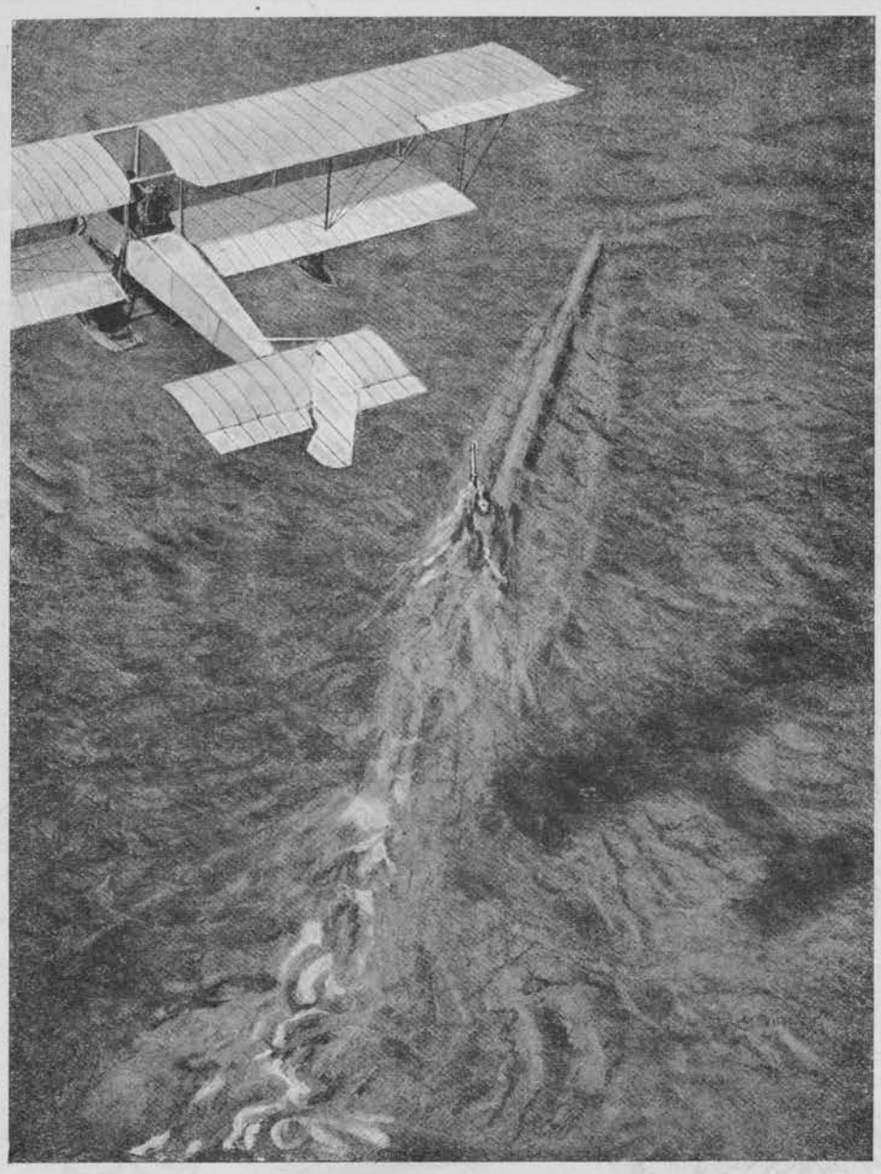
* * *

Мы сидимъ въ окопахъ и, осыпаемые шрапнелью, сжались. Ждемъ, когда это окончится. Ожиданіе невыносимо. Помню въ послѣдній моментъ у меня была необычайная потребность активной дѣятельности.

Двигаться, кричать, убивать хотѣлось, но только не ждать, не слушать... Когда слухъ привыкъ къ надоѣдливому жужжанію черныхъ пуль, къ оглушающему грому пушекъ и вихреподобному полету тяжелыхъ снарядовъ,—болѣе тяжелыхъ мученій не могло быть: всѣ мысли куда-то ушли, и осталась только одна—побѣдить, умереть, отомстить. Жажда побѣды стала необычайно велика, и стала понятна эта рѣзня, это желаніе убить. Чтобы не быть убитымъ, надо побѣдить,—кричали отовсюду невидимые голоса тѣхъ, которые падали кругомъ...

Въ этотъ моментъ подъема духа я уже началъ различать лица и искалъ въ нихъ той же жажды побѣды.

Торжественное собраніе въ Правительствующемъ Сенатѣ по поводу 50-лѣтія Судебной реформы.



Англійскій гидропланъ выслѣживаетъ германскую подводную лодку.

Потомъ началось что-то страшное, отъ котораго я не могу оправиться.

Это было къ вечеру. Мрачный вечеръ. Темень въ глубинѣ на небѣ, слѣпая темень на землѣ, темень и угаръ... Нашъ командиръ вдругъ пошатнулся и упалъ.

Это было неожиданно и между тѣмъ такъ неизбѣжно просто, совсѣмъ просто... Теперь я долженъ разсказать вамъ то, что на три четверти можетъ показаться бредомъ больного или сказкой. Я любилъ своего командира, я такъ любилъ его, какъ никогда и никого...

Это было какое-то непонятное для меня обожаніе. Когда я смотрѣлъ въ его молчаливые строгіе глаза, въ моей душѣ пробуждалось что-то тихое, безмолвное. Я вѣрилъ въ большую силу этого человѣка, въ его честность и исключительный умъ. И вотъ, когда увидѣлъ его сраженнымъ, падающимъ съ лошади, я не растерялся.—Насъ было четверо. Скрестивъ свои ружья, мы сдѣлали носилки и положили его...

Ночь жуткая, безпросвѣтная быстро надвигалась. Мнѣ казалось, что конца не будетъ той ночи. Мои товарищи пали. Двое были ранены, и одинъ убитъ.

Я взвалилъ себѣ на плечи все еще находившагося въ забытьи командира и двинулся по окопу.—Помню—я шелъ, все время опираясь на стволъ ружья въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ приходилось пробираться ползкомъ.

Неожиданно я остановился. Надо было передохнуть. Захватывало духъ. Кольцо узкое сдавливало горло. Глаза выскакивали изъ орбитъ.

Прошла черная минута слабости, и я опомнился, но неожиданно почувствовалъ, что моя ноша стала невыносимо тяжелой.

— Умеръ,—горячей молніей пронеслось у меня въ мозгу, голова раскололась отъ боли и страха, я все же не хотѣлъ разставаться съ нимъ даже съ мертвымъ. Я сдѣлалъ еще нѣсколько шаговъ, и вдругъ все вокругъ меня заплясало, закружилось, я полетѣлъ вмѣстѣ съ тѣломъ командира въ глубину мрачной, какъ та безразсвѣтная ночь, пропасти, въ глубину безконечной бездны. . . . . .

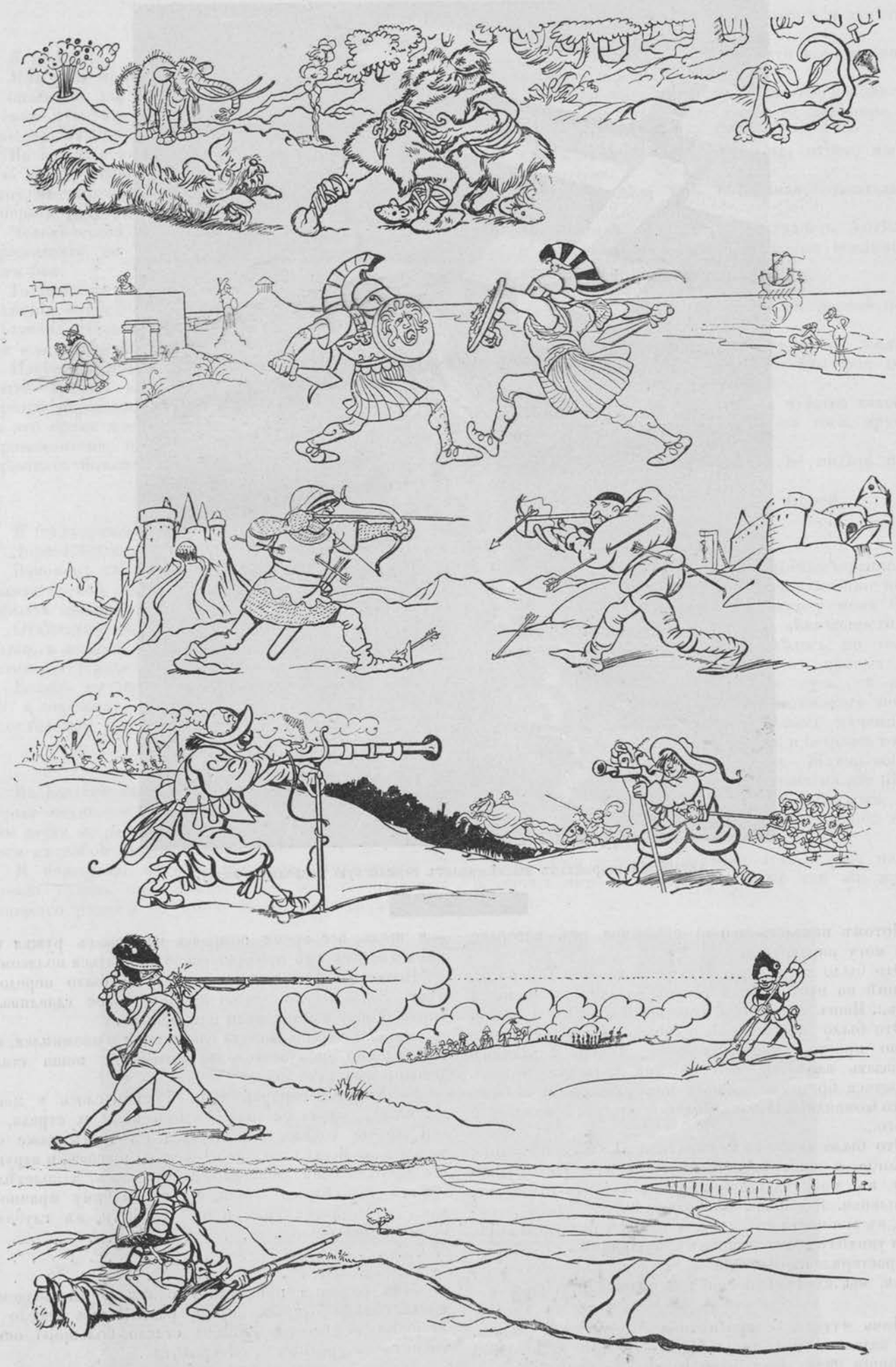
. . . . . .

. . . . . .

Мое сознаніе проснулось однажды въ полдень, когда солнце открыло глаза, разсмѣялось весело и любовно поцѣловало тонкое стекло большого окна госпиталя—противъ моей кровати...

Теперь вы знаете, какъ я былъ раненъ въ голову...

В. К.



Война на протяженіи вѣковъ.
(Курсъ весьма сокращенный).

УЛАНЫ и ГУСИ.

Нѣмецкіе ѣдутъ уланы
И нападенія ждутъ.
Минули Олиты, Ораны,
Навстрѣчу гуси идутъ.
Идутъ по дорогѣ навстрѣчу,
Свернувши съ голыхъ полей.
А нѣмцы бросаются въ сѣчу
И храбро колютъ гусей.
Старѣйшій гусакъ восклицаетъ:
«Ахъ, стыдно дѣлать вамъ такъ!»
Улана крыломъ отбиваетъ
И умираетъ гусакъ.
Гааги забыты законы—
Законы святы войны;
Уланамъ гусиные стоны
И вопли только смѣшны.
Веселые гордые гимны
Лѣсъ оглашаютъ потомъ.
Ужъ сумракъ зловѣщій и дымный
Клубится надъ Осовцомъ.
Улановъ лихую забаву
Стихами смѣло пою...
Стяжать можно вѣчную славу
Въ гусиномъ даже бою.

Онисимъ Іерянскій.

КТО ПРАВЪ?

...Мы сидѣли втроемъ. Она, я и Передудинъ. Помоему, Передудинъ былъ лишній. А по его мнѣнію, несомнѣнно — этимъ лишнимъ былъ я. Онъ еще на что-то надѣялся! Чудакъ, онъ не понималъ, что мы уже съ ней выяснили этотъ вопросъ: былъ лишнимъ онъ, а не я!.. И она такъ по-женски жестоко давала ему понять, а онъ не понималъ!

Я нѣжно провелъ рукой по ея пепельнымъ волосамъ:

— Дѣтка ты моя славная!

Передудинъ предупреждающе кашлянулъ.

Мое великодушіе, великодушіе побѣдителя, было подорвано этимъ кашлемъ. Я заглянулъ въ ея глазки и сказалъ:

— Я, кажется, сейчасъ забуду, что мы втроемъ!

Передудинъ передернулъ плечами.

Я сощурилъ глаза и усмѣхнулся угломъ рта.

Передудинъ, сильно жестикулируя, съ пафосомъ сказалъ:

— ...Тамъ, въ мокрыхъ, холодныхъ окопахъ, глядя смерти въ глаза, они защищаютъ насъ, цѣною своей крови создаютъ намъ счастливую жизнь, сохраняютъ нашъ покой, а ты въ это время... эхъ!

Я отвернулся отъ него и шепнулъ ей на ушко:

— Радость моя... счастье мое!

Она вспыхнула и подарила меня улыбкой, такой безмятежной и ласковой, что я едва-едва сдержался, чтобы не запечатлѣть на устахъ ея поцѣлуя.

— ...Потоки крови... Горы труповъ... Не успѣваютъ хоронить, а ты... эхъ!—звенящимъ голосомъ бросилъ Передудинъ и, сразу поблѣднѣвъ, ухватился за стулъ.

Она спросила меня глазами:

— Почему онъ не уходитъ?

Едва замѣтнымъ кивкомъ головы я отвѣтилъ:

— Пусть!..

Передудинъ откашлялся и сказалъ:

— ...Ежеминутно гибнутъ жизни... Умираютъ, молясь за родину!...

— Передудинъ, умолкни! — крикнулъ я—я счастливъ, слышишь: я люблю ее!... Весь міръ для меня начинается и кончается въ этой комнатѣ, все человѣчество для меня воплощается въ ней... Ей я молюсь, въ нее я вѣрю, въ ней я нахожу и любовь, и блаженство, и радость, и красоту, и добро и... все... все!.. Слышишь: я счастливъ!

Онъ стукнулъ кулакомъ по столу. Она испуганно вскрикнула, спрятала на груди моей личико и замерла. Я слышалъ біеніе ея встревоженнаго сердечка.

— Счастливъ?! — возмущенно крикнулъ онъ.—Въ такое время ты смѣешь быть счастливъ!?!

— Смѣю!—вызывающе бросилъ я.

— ...Ты не слышишь грохота выстрѣловъ? Ты не видишь, какъ шрапнель вырываетъ людей и рветъ ихъ на тысячи кусковъ? Ты не видишь, какъ все тѣснѣй смыкаются ряды? Не слышишь стоновъ раненыхъ? Не видишь, что всѣ граждане, отъ мала до велика живутъ одной мыслью о воинахъ? Ничего не знаешь о подвигахъ доблести и милосердія? Не видишь на лицахъ убитыхъ ни предсмертныхъ мукъ, ни отпечатка великаго сознанія свершеннаго подвига во имя любви къ отечеству? Ты глухъ?! нѣмъ?! слѣпъ?! Скажи! отвѣть! отвѣть!!

Онъ тяжело дышалъ и судорожно стучалъ по столу.

Я нѣжно провелъ рукой по ея волосамъ и отвѣтилъ:

— Я люблю! слышишь: я люблю и любимъ... Дѣтка моя, ты любишь меня?

— Да,—чуть слышно прошептала она.

—Передудинъ, слышишь?!

Его лицо потемнѣло. Онъ метнулъ на меня взоръ, полный ненависти.

Покровитель 300 милліоновъ мусульманъ.

А. Эйсснеръ. Соб. жур. «Вершины».

— ...Это... Это—преступленіе!... Покорнѣйшее преступленіе!... Вы преступники!... Любовь!.. Теперь одна любовь—къ родинѣ!.. Они отдаютъ жизнь, а вы предаетесь любовнымъ утѣхамъ!.. Стыдитесь!.. Ты долженъ былъ бы быть на поляхъ брани, а она у койки раненаго проявлять любовь, высшую любовь, ту, что знаетъ самоотреченіе, милосердіе и долгъ...

— Передудинъ!

— Ага, не нравится?.. «Юпитеръ, ты сердишься, значитъ, ты—неправъ!..» Да, милый, да, дорогая.

— Не смѣй ее называть дорогой!

Онъ презрительно усмѣхнулся.

Стараясь оставаться спокойнымъ, я сказалъ:

— Отстань!.. Я люблю родину, повѣрь мнѣ, не меньше тебя... Но я не могу жить безъ любви къ женщинѣ... Понялъ?.. Нѣтъ?.. Слушай же: мнѣ не выпало счастья стать въ ряды нашей доблестной арміи... Ты самъ говорилъ вѣдь: «они защищаютъ насъ, цѣною своей крови создаютъ намъ счастливую жизнь, охраняютъ нашъ покой»... Говорилъ?

— Говорилъ!

— Ну вотъ: теперь они даютъ мнѣ возможность жить спокойно и счастливо, а когда меня призовутъ въ ихъ ряды, я дамъ эту возможность другимъ... Я чутко прислушиваюсь къ тому, что творится тамъ, но если надъ моей головой не разрывается шрапнель, то я могу и хочу, слышишь, хочу! жить личной жизнью!!.. Это мое святое, неотъемлемое право!.. Наконецъ, я, слышишь, хочу забыться, я хочу не слышать ужасовъ войны. Имѣю я право?!

— Нѣтъ! Ты теперь принадлежишь родинѣ, и, если ты не на полѣ брани, ты долженъ какъ-нибудь иначе служить ей! И каждое мгновеніе твоей жизни принадлежитъ ей, родинѣ, а не этой дѣвушкѣ!

— Отстань!—съ сердцемъ сказалъ я и демонстративно поцѣловалъ Лелю.

— ...Рѣки алѣютъ отъ крови!.. Сироты и вдовы плачутъ...

Я снова поцѣловалъ Лелю.

— ...Преступники!.. Предатели родины!!.

Я продолжалъ цѣловать Лелю.

Онъ призывалъ на насъ громы небесные, ненависть и проклятіе земли... Мы же шептали слова любви...

Скажите, господа, по совѣсти: кто правъ?

Исидоръ Гуревичъ.

СОБАКА.

Въ царствѣ «Вольфа» и Кронпринца ложь—это спортъ иль лучше—принципъ. Нельзя повѣрить ни на іоту и клятвѣ, данной предъ кіотомъ. Но, чтобы вѣрить симъ словамъ могли бы всѣ, я преподамъ исторью въ нѣсколькихъ словахъ. . . . . .

. . . . . .

«Однажды Бетманъ, канцлеръ имперскій, совмѣстно съ Мольтке поступокъ дерзкій свершили гдѣ-то тамъ, у Роны, стянувъ прелестнаго Гриффона. По правдѣ лишь могу сказать, изволилъ Бетманъ мысль подать, а Мольтке ринулся и храбро, пустивъ въ собаку раньше швабру, затѣмъ у шеи разрубилъ стальную цѣпь и возгласилъ: «Избавивъ тебя отъ вражьей опеки, Гриффонъ, ты мой—отъ днесь во вѣки!»

«Позвольте, другъ мой, почему?» воскликнулъ Бетманъ,—«не пойму!..»

«Да очень просто, это я стянулъ ее—она моя!» «Стянуть вы мастерски стянули и многихъ за поясъ заткнули, но вѣдь нельзя же отрицать, что мысль изволилъ я подать. И кажется, что безъ идеи не выполнить бы вамъ затѣи! Разъ я идею преподалъ, то и собаку я забралъ!..»

«Такъ пусть же общимъ достояньемъ, идеаломъ нашимъ и мечтаньемъ, собака будетъ до тѣхъ поръ, пока нашъ дружескій сей споръ не разрѣшится. Гриффонъ да будетъ намъ наградой и жизни старческой отрадой, и тотъ изъ насъ, кто за недѣлю налгать сумѣетъ, какъ Емеля, и въ лжи не будетъ превзойденъ,—собакой будетъ награжденъ!..» Такая мысль пришла друзьямъ,—ну что же, ладно,—по рукамъ .

. . . . . .

. . . . . .

Умѣютъ врать во всей Германьи, но отъ Берлина до Кампаньи никто не въ силахъ былъ сыскать того, кто смогъ бы лучше лгать, чѣмъ Бетманъ Гольвегъ и графъ Мольтке . . . . . .

. . . . . .

Старались оба до нельзя, и каждый думалъ про себя—«Я лучше вру, не надо льстить, ему собаку не отбить!» . . . . . .

. . . . . .

Тутъ кайзеръ встрѣтился лгунамъ: «Эй, руки вы по швамъ, зачѣмъ тутъ мерзкая собака, и видъ у васъ, какъ послѣ драки!?»

«О не серчай, могучій кесарь, мы просто времъ, и тотъ, кто «besser» сумѣетъ ложь изобрѣсти, собаку можетъ увести!..»

«Что слышу я, великій Боже! На что слова сіи похожи?! Вы сами лжете говоря, и не обманете меня! Лгать—это низко, недостойно, для нѣмца даже непристойно, хоть мысленно душой скривить, и тотъ, кто можетъ честно бить врага, щадя дѣтей младыхъ, не можетъ врать въ словахъ своихъ. Какъ это мерзко! Сколько лѣтъ живу на этомъ свѣтѣ я, не видно лжи вокругъ меня, да и во мнѣ ей мѣста нѣтъ!..»

Тутъ Бетманъ-Гольвегъ, улыбаясь, одежды Мольтке чуть касаясь, глядя на кайзера, сказалъ: «Онъ насъ съ тобою обыгралъ. Намъ дальше спорить ни къ чему:—отдай собаку ты ему!..»

Д. Мусинъ.

На основаніи закона 20 марта 1911 года перепечатка литературнаго и художественнаго матеріала настоящаго номера воспрещается.

Паровая Скоропечатня М. М. Гутзаца. Петроградъ, Шпалерная, 26. Редакторъ-Издатель Д. М. Гутзацъ.

ВЕРШИНЫ

Еженедѣльный иллюстрированный журналъ художественной литературы и сатиры.

Выходитъ по вторникамъ.

Въ журналѣ принимаютъ участіе литераторы: Леонидъ Андреевъ, Анна Ахматова, Александръ Блокъ, Ю. Верховскій, З. Н. Гиппіусъ, Владиміръ Гординъ, И. Гуревичъ, Л. Добронравовъ, О. Л. Д'оръ, Т. Ефимова, Рюрикъ Ивневъ, М. И. Исаевъ, М. Кузьминъ, Д. Крачковскій, Д. С. Мережковскій, Д. Мусинъ, П. П. Потемкинъ, И. Пришвинъ, В. Пястъ, А. Ремизовъ, Теффи, Н. Фалѣевъ (Чужъ-Чуженинъ), Ф. Щеколдинъ, Іер. Ясинскій (Максимъ Бѣлинскій) и др.

Художники: Н. Л. Аронсонъ, В. К. Аѳанасьевъ, Альбертъ Бенуа, Б. Бобровскій, Н. П. Богдановъ-Бѣльскій, И. И. Бродскій, А. Е. Бѣлогрудъ, В. М. Быстренинъ, Е. А. Киселева, М. И. Курилка, А. Б. Лаховскій, А. А. Мурашко, В. Г. Мясоѣдовъ, И. П. Пахитоновъ, А. А. Радаковъ, Н. К. Рерихъ, А. А. Рыловъ, Ю. И. Рѣпинъ, А. И. Савиновъ, А. В. Скалонъ, В. Д. Фалилѣевъ, И. А. Фоминъ, Н. Харитоновъ, П. Д. Шмаровъ, А. Р. Эберлингъ, А. Эйсснеръ и др.

Подписная цѣна съ перес. за годъ—6 р.; за 1/2 г.—3 р.; за 3 м.—1 р. 75 к. и за 1 м.—75 к.

Цѣна номера въ отдѣльной продажѣ 15 коп.

Такса объявленій: За строку нонпареля въ 1/3 стр. впереди текста—1 р. 75 к., позади текста—1 р. 25 к.

Редакція—Петроградъ, Воскресенская наб., 26. Телефонъ № 410-98. Пріемъ ежедневно отъ 3—5 ч. Контора—Шпалерная, 26, телеф. 18-68 открыта отъ 11 ч. у. до 6 ч. вечера.

Рукописи просятъ адресовать въ Редакцію. Рукописи, присланныя безъ указанія условій, оцѣниваются по усмотрѣнію редакціи.

Редакторъ-Издатель Д. М. Гутзацъ. Завѣдующій худож. отдѣломъ И. И. Бродскій.

Цѣна 15 коп.

На станціяхъ жел. дор. 20 коп.

Гос. Публичная Б-ка